

Л. С. КОВТУН

Язык высокой книжности в трактовке лексикографов восточных славян XVI в.

Списки древних памятников всегда таят в себе неожиданность (нередко и не одну), то есть содержат нечто такое, что вдруг потребует иного подхода к знакомому материалу, если не заставит переосмыслить и сам ход развития изучаемых текстов.

Жанр азбучных тезаурусов (азбуковников или алфавитов иностранных речей) явился обобщением всего опыта древнерусской лексикографии (XI—XVI вв.), включая и новации того исторического этапа, к которому относятся его ранние памятники.¹

Ко второй половине XVI в. упомянутый жанр, или тип описания слов и оборотов речи, почерпнутых из наших древних книг пяти с половиной веков, вполне сформировался.

Сопоставление списков азбуковников, обнаруженных в архивах страны, выявило в сложении названного жанра ведущую роль трех словарных памятников (далее для краткости — Азб¹, Азб² и Азб³). Один из них относится к середине XVI в., два других — к концу его. Все они имеют редакции XVI и XVII вв. (обозначим их римской цифрой).

Азбучный тезаурус понимается в данном случае как сокровищница глосс, сосредоточенных в текстах и на полях рукописных кодексов русской книжности. Подобный тип словаря был в духе объединительных предприятий конца XV и особенно XVI в. Среди таких начинаний есть и непосредственно связанные с разработкой вопросов языка, в том числе, как понятно, с принципами выражения и описания словесных значений. Таковы: Геннадиевская библия — свод книг Ветхого и Нового Заветов, составленный в Новгороде в 1499 г., Толковая псалтырь 1521 г. в переводе Максима Грека и его русских сотрудников («а в ней 24 толковника»²); собрание сочинений Максима Грека (прижизненных и посмертных), с большим числом пояснений иноязычных слов;³ Великие Миней Четви — огромный свод древних книг, который формировался в течение 25 лет при участии многих литературных деятелей XVI в. В связи с разбираемой темой особенно примечательны слова митрополита Макария, вдохновителя и основателя работ над сводом: в предисловии к его Успенскому списку (1553 г.) он упоминает о немалых

¹ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность). Л., 1989.

² Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915.

³ Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

и упорных «трудах», вызванных исправлением «иностранных и древних пословиц» и переводом их «на русскую речь».⁴

Старший из трех Азбуковников, в двух его ранних редакциях (Азб¹ (I—II)), прочно связан с исторической ситуацией середины XVI в. Этот памятник был создан книжниками Троице-Сергиевой лавры, последователями Максима Грека, и надо думать, что к составлению азбучного тезауруса их побудил все тот же митрополит Макарий.⁵

В самом конце XVI в. были созданы еще два Азбуковника, причем один за другим, сначала в Москве, а затем в Новгороде. При изучении списков этих памятников оказалось, что оба словаря были закончены составлением в одном и том же году. Этот факт уже и сам по себе требовал объяснения. Дата завершения ранней редакции новгородского Азбуковника (Азб³ (I)) дана в записи, которую читаем в единственном списке этой редакции, причем в двух вариантах.⁶ В ней сказано: «составлен же бысть алфавит в лѣта 7104 (1596) в царство благочестива царя Феодора Ивановича московскаго и всея великия Росия самодержца, в 13 лѣто царства его, при патриархе Иовѣ, в великом Новѣградѣ, во обители Антония римлянина, многогрѣшным клириком, его же имя бог вѣсть».⁷ Из записи, таким образом, узнаем и время, и место создания словаря, и то, кем был лексикограф, наконец, и его имя.

Итак, новгородский азбучный тезаурус (Азб³) был завершён в 1596 г. Тем самым предопределены и выводы о времени окончания московского труда (Азб²), так как тексты двух этих памятников преемственно связаны.

Особую роль в хронологии Азбуковников играет выход в свет опять-таки в том же 1596 г. славено-росского словаря Лаврентия Зизания. Он был издан в Вильне в феврале этого года в одном переплете с грамматикой того же автора. Показателен сам факт наличия (или отсутствия) материалов из этих трудов Зизания, основанных на филологической культуре Юго-Западной Руси, в составе словарей, возникших на базе филологии Московской Руси. Не менее показательна и степень их преобразования.

Ранние редакции старшего Азбуковника (Азб¹ (I—II)) никак не реагируют на выход в свет «Лексиса» Зизания (далее — ЛЗ). Это говорит о связи их текстов с более ранним периодом, с серединой, а не с концом XVI в. Но в третьей редакции азбучного тезауруса (Азб¹ (III)) материалы из ЛЗ уже появились. Ср. один из примеров: Азб¹ (I—II): ваия, вѣтъвь ветхая; ЛЗ: вае. Розки з квѣтом, лоза, багнята; Азб¹ (III): вае, розки, лоза, багнята. Следов использования сведений из ЛЗ немало и в Азб², и Азб³ (по всем признакам они были созданы в тот же период, что и Азб¹ (III)). Добавим к этому, что в них даны и прямые указания на привлечение этого источника и в виде помет («грамматика», «грам. лекс» (то есть грамматический лексис, или лексикон), а также «граммотикия», «лексис» и т. д.), и в виде отсылок к нему в самом тексте статей. Ср.: аллилуиа. хвала живому Богу..., а в грамматике толкует сице... (дана этимология с расчленением состава слова); акриды. вершки древяные, сице наричет их в граммотицѣ, а инии же глаголют то вершие дуба.⁸

⁴ Великие Минеи Четьи. СПб. 1868. С. II.

⁵ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. С. 50—116.

⁶ Список Азб³ (I), собр. М. П. Погодина, № 1642, по водяным знакам 1636—1637 гг., копия с протографа 1596 г. Запись об окончании работы здесь на л. 2 и в более полном варианте, который приводится, — на л. 22, 22 об.

⁷ Раскрытие тайнописи, которой прикрыто имя составителя Азб³ (I), принадлежит Б. М. Клоссу. Судя по расшифровке, книжника звали Димитрий. Подробнее в кн.: Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. С. 16, 17.

⁸ Азб², по списку ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1145, сер. XVII в.

Из всего сказанного следует, что появление в 1596 г. трех восточно-славянских словарей, занявших заметное место в истории нашей филологической науки, не могло быть случайным. Напротив, оно явилось знаком того, что славянская тема оказалась в этот период в центре внимания восточнославянской лексикографии. В связи с этим должна получить историческое объяснение и сама дата их появления. На понимание этой даты, ее расшифровку, как представляется, наталкивает еще одна, помимо упомянутой записи, находка, сделанная при анализе новгородского Азбуковника (Азб³). Это статья с упоминанием имени иезуита Петра Повенского, проповедника польского короля Сигизмунда III, имевшего прозвище Скарга.⁹

Ср. в Азб³: Скарга. т. Петр учитель латинскому зловерию, бѣ в лѣта 6556 (1048)¹⁰ (по списку ГПБ, собр. М. П. Погодина, л. 133). Отметим глоссу в Азб²: скарги покладание, оклеветание, и оглаголение, и поемление (по списку ГПБ, О XVI. 20, л. 211 об.).

В «слове» на взятие Баторием Пскова Скарга назвал причины, по которым, по его мнению, не может быть порядка в русской церкви. Одна из них: греки обманули русских, не дав им своего языка, ибо только при знании латинского или греческого языка можно быть сведущим в вере и науке. На брестском соборе 1596 г. Скарга играл видную роль, убеждая отказать от православия и присоединиться к унии.

Глосса, дающая сведения об иезуите Скарге, в составе словарных статей новгородского Азбуковника неожиданна, так как в азбучных тезаурусах XVI в. нет имен современных деятелей. Наличие этого имени в Азб³ дает историческую мотивацию факту выхода трех восточнославянских словарей в 1596 г.: лексикографы защищали церковнославянский язык как язык высокой книжности. И эта акция, объединившая их силы, по всей видимости, происходила при руководящем участии патриарха Иова.

Плодотворная работа словарников Юго-Западной Руси Лаврентия Зизания и Памвы Берында давно уже пользуется заслуженным признанием. Данные, которые содержатся в азбуковниках, пока остаются на втором плане. Славянские материалы в их составе воспринимаются лишь в качестве добавочных, не отвечающих профилю словаря иностранных слов или словаря энциклопедического. Однако Азбуковник по своему типу не был ни тем, ни другим, к нему не приложимы мерки современной лексикографии. Важно учесть, что ранние азбуковники составлялись переводчиками и справщиками, для которых выяснение различий в семантике славянских слов (при соотнесении их со словами иноязычными) было делом насущно необходимым.

Указания на литературные источники, даваемые в азбуковниках при толкуемых словах, хотя и нерегулярно, свидетельствуют, что основой лексикографических наблюдений в ту эпоху были по преимуществу тексты Писания, и более всего евангельские. Разночтения в древних рукописях, в том числе и в списках Писания, — лингвистический источник первостепенной важности, особенно при изучении процессов взаимодействия церковнославянского и русского языков. Этот источник в то же время является одним из наиболее объективных и достоверных при решении задач исторической лексикографии и лексикологии. Словарики Московской Руси, так же, как и Юго-Западной Руси, вполне оценили его значение. Лексические

⁹ Среди статей славяно-росского Лексикона Памва Берында (1627, 1653) стб. 167 помещает слово «укоризна» с собранными к нему «произвольниками» (синонимами): укорение, оклеветание, скарга, жалоба, скаржѣне, утисковане, фуканье, вина, безчестие, деспект, срамота, леккость, тот проступок, о котором бывает скарга або контроверсца.

¹⁰ Дата раскола византийской и католической церквей.

варианты в текстах старинных книг получили в их практике наименование «произвольников».

Анализ разночтений в церковных книгах не раз являлся объектом серьезных исследований, направленных, главным образом, на установление редакций Евангелия, Апостола, Псалтыри и т. д. Славянские глоссы и развернутые толкования славянских слов в азбуковниках и других древних словарях не только дополняют историческую картину, но и дают живое восприятие материалов глазами современника, причем на разных этапах развития языка.

Особо сложные отношения, связанные с тесным переплетением литературных традиций на раннем этапе развития письменности, сближают, как известно, русский язык с южнославянскими (с древне- и среднеболгарским и сербским), поэтому немалый интерес для истории русского литературного языка и языка церковнославянского представляют даваемые в азбуковниках пометы о принадлежности слов к числу южнославянских. Так, в старшем Азбуковнике (по списку ГПБ, О.ХVI.1) значительное число славянских слов имеет помету «се» (сербское) (ср. *брадов, белчюг, бошию, благоленно, бѣние, витает, вскую, выспрь, доблесть, дебело, дебрь* и т. д.), в то время как помета «б» (болгарское) вовсе отсутствует в перечне помет, предваряющем словарный свод. Крайне редко она применена и в основном тексте словаря (например, дана при слове *вертен*). Распространенность пометы «сербское» в азбуковниках, которые сформировались в особый словарный жанр во второй половине XVI в., подтверждает верность наблюдения, что в названный период слово «сербский» стало употребляться в расширительном значении — южнославянский (Н. И. Толстой). Факт этот получает, таким образом, историко-литературное объяснение. Для фиксации его хронологических пределов отметим, что в Азб¹ (по списку второй редакции) помета «се» (сербское) снята, а в некоторых случаях дана вместо нее другая «сл» (словенское).

В азбуковниках, даже и самых ранних, нашли свое отражение связи Московской Руси со славянским Западом, русского языка с западнославянскими, о чем свидетельствуют пометы «ляц» (ляцкий) и «чес» (чешский), т. е. польский и чешский, которые маркируют немалое количество слов (*астьквучи, ардусарь* и т. д.) Неоспорима вместе с тем тесная связь лексикографии Московской Руси со словарным делом Юго-Западной Руси. Взаимодействие русской и юго-западной традиций было плодотворным и творческим. Русскими азбуковниками юго-западные источники были широко использованы уже на рубеже XVI—XVII вв., однако при этом ориентированы на русского читателя. Так, в Новгородском и Московском Азбуковниках (Азб² и Азб³) не только западнославянские слова, но и украинские, белорусские даны обычно в номенклатурной части словарного свода (ср.: *або — или; бачение — размышление умом о коеи вещи; в щиром разумѣ — в цѣлом разумѣ, рекше не поврежденем злым коим нравом; байка — повесть, брехачь — лаятель* и т. д.). При таких статьях чаще всего видим пометы «пол» или «полща», указывающие на привлечение этих материалов из ресурсов западнорусской книжности. В объяснительной части тех же статей наряду с русскими словами и оборотами видим и церковнославянские, прочно усвоенные русским языком или во всяком случае постоянно употребляемые в книгах, читаемых на Руси.